



Олег Плещенко

работизация. Спасибо за труд!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Плещенко

рАботизация. Спасибо за труд!

«Автор»

2026

Плещенко О.

рАботизация. Спасибо за труд! / О. Плещенко — «Автор», 2026

Эта книга о простом рабочем человеке со своими страстями и переживаниями, со своим внутренним миром и непростой судьбой. Читатель сможет прикоснуться к жизни заводского человека, заглянуть за кулисы его повседневности и сопереживать вместе с ним. Автор постарался с иронией посмотреть на проблемы современной жизни нашей страны, поставив акцент на технологической независимости, прибегая к сюрреалистическим и постмодернистским образам.

© Плещенко О., 2026

© Автор, 2026

Олег Плещенко

рАботизация. Спасибо за труд!

рАботизация. Спасибо за труд!

Часть 1

1

Метель набирала силу. Мужчина средних лет вышел из подъезда. Фонарь так и не починили. «А зачем? - подумал он. - Кому он нужен?». До него никому не было дела, как и до много другого, что окружало людей каждый день. Было 6:15 утра, мужчина не любил опаздывать на работу. Он вообще не любил опаздывать.

Выкинув пакет с мусором в бак, он пошел дальше по двору за угол. «Снегу навалило столько, что до весны будем утопать» - подумал он. Дворники, судя по всему, работали не первый час, ибо тропинки были очищены с ровным срезом от лопаты, но сыпавший снег уже успел поделить их труд на ноль.

До автобусной остановки оставалось не так много. Снег, набившийся в правый ботинок, начинал таять и доставлять дискомфорт. В правой руке он нес объемный пакет, в котором лежала роба и контейнер с едой. Никита, именно так звали мужчину, работал на заводе. Куда еще можно идти на работу в такую рань! Ну, уж точно не в офис.

Снегоуборочные машины работали всю ночь. У края дороги они накидали сугробы снега, наступив в который Никита набрал снега и в левый ботинок. Изрядно выругавшись и получив заряд бодрости одновременно, он трусцой перебежал дорогу в неположенном месте, потому что до пешеходного перехода было далековато, а машин по близости не было.

На остановке скопилось народу больше, чем обычно. Значит, автобуса не было уже продолжительное время. Все, как и он сам, стояли с хмурыми кислыми лицами. Никита, подумав, пришел к мысли, что по понедельникам лица и не могут быть слаще. Они были похожи на черно-серый набросок, сделанный широкими мазками гуаши, размазанный по листу бумаги снежным валиком.

Автобус не заставил себя долго ждать. Просочившись в середину салона, он схватился за ледяной поручень, благо ехать было не долго. В хорошую погоду это занимало 5-7 минут, сегодня же это отняло 15. Но это было еще не самое неприятное. Самым неприятным было то, что от остановки до проходной идти было 10 минут и еще 20 от проходной до цеха. За проходной собралась толпа людей, ждущая автобуса, курсирующего по территории завода. Никита никогда не ездил на этом автобусе. На самом деле их было два, и ходили они друг за другом с интервалом в пять минут. Это были полуживые пазики (и за это спасибо) и спрос превышал предложение. Однажды он решил на нем проехаться, и чуть не был раздавлен под гнетом тяжелых укоризненных взглядов стариков и толстозадых теток из заводоуправления. Его как бабка отшептала.

Вообще Никита любил постоянство и стабильность во всем и не любил размениваться на мимолетный комфорт, чтобы потом не отрезвляться неудобством. Поэтому не любил ездить в транспорте сидя, когда много народа – только расслабишься, уткнешься в телефон, и тут же заходит старушка или мамочка с двумя детьми. Уж лучше сразу стоя ехать.

2

Заводская техника уже успела расчистить дорогу, видимо барин поднял водителей среди ночи, выдернув из объятий воскресных грез. Им повезло меньше других, но такая уж у них работа.

Добравшись до цеха в 7:29, смена начиналась через минуту, и, приложив пропуск к терминалу, Никита отметил. Он с гордостью поймал себя на мысли, что едва не опоздал и что не зря выходит так рано из дома и потом еще пол часа переодевшись, ждет начала работы, сидя в курилке и просматривая ленту новостей. Сегодня эта привычка помогла ему не опоздать на работу. Половина завода этим похвастаться не могла и до обеда они занимались тем, что писали объяснительные. Начальство этим тоже грешило и им пришлось краснеть на ковре у барина на утренней планерке. Планерка, кстати, началась на пол часа позже из-за того, что личный ящик барина не успел вовремя подать с утра повозку, пока разгребал снег, и не смог вовремя доставить его на завод, потому что город замер в коллапсе. Но не будет же помещик сам себя хаять? Он же задерживается. Прописав кучеру плетей, он всыпал так же и своим подчиненным начальникам, а те в свою очередь и половине завода крепостных раздали розги.

3

Никита допивал чай и переворачивал вывешенные носки на двери шкафчика, в котором переодевается. В их камере было жутко накурено и сизый дым висел над головами ее обитателей. Курить разрешено было только на улице в курилке, но в такую погоду, да и вообще зимой, желающих морозить придатки было мало. Благо щупальца формалистского спрута не дотягивались до угнетения малой толики крестьянской свободы.

Работал он слесарем по ремонту оборудования. Ни хрена не платят – ни хрена и не делаешь. Все по-честному. В его 37 лет ему хватало. Ну как хватало... Когда у тебя нет ипотеки, нет машины, нет семьи, цели в жизни, то тебе многого и не надо. Семья то у него когда-то была, только семьянин из него был не самый образцовый. Дочке его было уже 12 и видел он ее пару раз в год. Поздравлял по телефону на день рождения и Новый год. Ирочка, так звали дочку, уже очень давно называла папой другого дядю, который был более внимателен и к ней, и к маме, и к их маленькому братику.

За дверью послышалась суета, и дверь, скрипнув,пустила глоток свежего воздуха и, вместе с ним, зашли шесть мужиков из его бригады, и последним зашел главный механик.

- Михалыч, да мы еще чай не пили. Починим мы этот станок, - оправдывался наш бугор Санек.

- Да засунь себе в жопу свой чай, - кричал Михалыч. – Ты мне обещал еще в четверг его сдать. Я директору сказал, что успеем, а он меня на планерке при всех как мальчика отчитывал.

Михалычу было лет 60 и, пару лет назад, он подумывал о пенсии, когда верховный принял реформу, и его пенсия отодвинулась на три года. Видимо поэтому у него еще сильнее подгорало, когда хозяин размазывал его по коврику своего кабинета.

- Да сегодня сдам.

- К обеду чтоб был готов. И чтоб в камере не терлись, пока не сдадите.

Михалыч был тертый калач. Жесткий, когда это требовалось и в тоже время не заебывал всяким навозом, типа «скитайтесь по всему заводу, как неприкаянные, лишь бы без дела не шатались». Когда запары не было, можно было смело киснуть в камере и звенеть камнями домино, курить, чай пить и иногда даже бухать (но это скорее исключение, в основном тому, кто приходил в понедельник с больной головой, разрешалось поправить здоровье). Настроение у него было переменчивое, но в обиду он не давал, а своя плеть и приятна и не так больна.

Взбодлив всех и заставив воздух циркулировать, он, прокультивировав свои седые усы, как всегда по привычке делал, покинул нашу камеру с характерным лязгом железной двери, так что в ушах завибрировало.

- Никитос, возьми с собой молодого и сходи к фрезеровщику, узнай, готова шестеренка или нет, - сказал Санек. Ему было лет 45, небольшого роста, слегка плешивый, коренастый, с огромными ручищами. Мужик он был простой и работал на заводе дольше всех нас, не зря его бугром и назначили. Он не боялся перемены настроения ни Михалыча, ни барина, ни, по моему, вообще никого. Пару раз в год он мог наступить на горлышко от бутылки и уйти в двухнедельный заплыв, как биатлонист на дальней дистанции (некоторые из ребят из нашей бригады тоже могли перехватить эстафету). Михалыч прикрывает его заплывы, за это Серега, как верный цербер, остальное время защищает и отстаивает интересы главного механика.

Шесть лет назад Никита устроился на завод и Серега, узнав, что он служил во флоте трюмным слесарем, взял его в свою бригаду. После школы Никита пошел в ПТУ на слесаря. Учиться там было нечему, пить и курить он уже умел. Прогуливал пары, ругался с мастером, гулял с девчонками, играл зимой в подъезде на гитаре и иногда даже не ночевал дома.

Получив диплом, ему сразу вручили повестку и, не имея жалоб на здоровье, его отправили на пару лет во флот. В заполярье было сурово, но романтики хватило на всю жизнь. Определили его на одну из важнейших корабельных служб, в «Дивизион живучести». Эта служба с первых минут спуска на воду и до последних минут, вместе с командиром последним покидает тонущий корабль. Их задача – следить за живучестью корабля. Это их святая обязанность и долг – дать другим службам исполнить свои предназначения.

Трюмные на все руки мастера: должны обеспечить ремонт сантехники, подварить, где нужно, залатать пробоину и даже потушить пожар. Кроме этого их служба обеспечивала весь быт: приемка воды на борт, подача ее в камбуз и всему экипажу, отопление матросских кубриков и офицерских кают, контроль функционирования всех корабельных гальюнов.

Гальюны — это отдельная история. Сходить по нужде на корабле бывает иногда не просто. Вернее, смыть за собой и еще остаться чистым при этом. Принцип работы слива в гальюне такой же, как и в поезде – нажал на лягушку (педаль) и все добро уже в открытом космосе (или океане). Порой этот «надежный механизм» клинит в неподходящий момент. Во время шторма, когда ударяющая волна бьет в корабельный борт, вода через сливное отверстие залетает внутрь. Столб ледяной воды вырывается из унитаза как вулкан, а в это время на нем только закончил нести свою «вахту» какой-нибудь матрос или, не приведи господь, офицер, после завтрака, отложивший свое «попечение».

Вот тогда, выслушав о себе много хороших слов, они переодеваются в грязные робы, берут в руки гаечные ключи, буквально погружаются в мир говна. Выйдя победителями (по-другому быть не может), принимают похвалу в виде отвороченных носов, идут в душ, переодеваются, шкереются по трюмам и почивают на лаврах.

4

- Пошли, молодой, - позвал Никита Ванька. Это был молодой парень, устроившийся на прошлой неделе. Он еще почти никого не знал и таскался балластом, изучая окрестности и знакомясь с людьми. Раньше он работал на стройке и понял, что там далеко не так приятно и лучше на зиму отсидеться в тепле. А там видно будет.

Воздух внутри цеха был пропитан маслом, привкусом железа и вонючих носков. Никита уже не чувствовал этого запаха, но именно он, как ни странно, стал основным доводом при трудоустройстве именно сюда. До этого он работал на нескольких заводах и шарагах, и именно этот вязкий, нелюбимый, но в тоже время родной запах, напомнил ему о его первом заводе, куда пришел он 23-летним пацаном, на металлургический комбинат учеником. Там был именно этот запах. Наверное, этот запах есть на каждом крупном заводе. По крайней мере, встретив его вновь, и уже в другом городе, эта деталь как молот по наковальне приплюснула Никиту, и он уже не слушал Михалыча, который водил его во время собеседования, показы-

вая свои владения и фронт работ, возлагающийся на него. Он будто вернулся домой. Казалось бы, не самый приятный запах, но разве это имеет значение, когда одна мелочь отбрасывает тебя на десяток лет назад? Вспоминаешь, как ты был гораздо моложе, как женился, как держал милую дочурку на мозолистых, и вечно поцарапанных руках, как нянчил ее по пол ночи на руках, давая жене хоть пару часов отдыха... как похоронил отца...потом мать...как долго потом пил...как...

- Ты чё, оглох? Здорова, говорю, - прозвенело над ухом. Никита обернулся и увидел Стаса. То был дед давно уже на пенсии, балагур и весельчак каких не сыщешь.

- Здоров, коль не шутишь. Ты что людей пугаешь? Люди еще от выходных не отошли, – ответил он.

- Да вам только дай волю, вы вообще отходить не будете. Скажи Сереге, пусть принесет деталь ответную, по тем каракулям, что он нацарапал ни хрена не понятно, - сказал Стас. Он работал токарем, и бугор носил ему вечно калымы взаимовыгодные. Ломалась делать в станке, он нес ее Стасу, тот ее точил, а Серега закрывал ему нормо-часы в журнал потерь, да так что в накладе не оставался.

- Ладно, передам. Иди, работай, а то мы так план не сделаем, - пошутил Никита.

Цех наш был не маленький. Точнее не цех, а здание, под одной крышей объединяющее несколько цехов. Высоченные потолки, как паутина расчерченные рельсами и балками мостовых кранов. Передвигались по цеху мы в касках. По технике безопасности не положено было без нее даже по малой нужде отойти. Тэбэшники как вороны кружили над тобой в попытках лишиться премии. Первые полгода после этого нововведения было тяжело к ней привыкнуть. Ну, а потом так привыкаешь, что даже после смены порой надеть ее хочешь, чтобы к проходной топать.

Наконец дошли мы с Ваньком до Коляна. Колян работал фрезеровщиком у нас уже лет 5. Работы у него было не слишком много. Станок мы его чинили так часто, что уже знали, что у него сломалось, еще не видя поломки. Это было и не мудрено, когда результат твоей починки не замена изношенной детали на новую, а, методом синей изоленды и проволоки, вот уже несколько десятков лет берешь в долг у станка, восхищаясь безграничным ресурсом советского наследия.

- Ну что, сделал? - спросил Никита.

- Сделал. Забирай, - ответил Колян. – Сварщик, что, получше заварить не мог? Там пол зуба нормально получилось, половина не доварено, - усмехнулся он.

- Пойдет. Нам до обеда ножницы сдать нужно (так называли гильотину, которая перерубает листы металла).

- Да она через неделю опять накроется, - смеется он.

- Через неделю опять к тебе приду, значит. Нам не привыкать.

На самом деле Никита если уж не переживал, то уж точно не мог свыкнуться с такими вещами. У него возникал когнитивный диссонанс. Казалось же все очевидно и просто. Если у тебя есть вышедшая из строя деталь, если она плохо, или совсем, не выполняет свою функцию, если после такой починки она точно через неделю опять развалится, то на кой черт раз за разом мы чиним одно и то же. Он на ремонте простаивает больше, чем работает. Он денег теряет больше, чем приносит.

Но так построена вся бюрократия любого авторитарного строя. Рыба гниет с головы. Все решения спускаются сверху, и задача начальников ниже угадывать правила игры, понимать, чего от них хотят и лояльно нести служение общему делу, даже если само дело от этого как раз и страдает.

Михалычу, как верному псу, имеющему тонкий нюх на стремление руководства к тотальной экономии, нельзя было доказать важность замены какой-либо детали. На примере автомо-

бия ему конечно было понятно, что не безопасно ездить, когда у тебя тормоза не работают или руль не слушается, но «это же другое».

Был даже случай, когда купили абсолютно новый станок и по гарантии его обслуживали бесплатно год. Вдруг он сломался и они не могли его починить. Рабочий стал настаивать, чтобы вызвали специалиста по гарантии, что в целом и было самым логичным. Михалыч же засунул голову в песок. Толи потому что сам принимал этот станок на заводе изготовителе и не усмотрел, что это барахло, а не станок. Но, скорее всего это уже под коркой щелкнувший рубильник: «Не доставлять хлопот руководству». В итоге, когда прошел уже год, и новый, по сути, станок почти не мог ничего сделать, дело дошло до начальника по производству и переживая уже за свою задницу, он не побоялся-таки пойти на конфликт интересов, и сам вызвал специалиста. Самое смешное, что специалист по гарантии без проблем заменил детали на новые, судя по всему зная о «слабом месте» и даже не выставил счет.

Иногда кажется, что начальники бедные люди. Их так жалко. Они такие беспомощные, у них нет своего мнения, они боятся высказаться, проявить стойкость, настойчивость. Они вечно обходят острые углы и никогда не беспокоятся о своей гордости. Их миссия - беспрекословно исполнять любые, даже немые, приказания и не задавать вопросы. Они заложники. И за это они получают большую зарплату, возможно. Возможно это достойная плата за свободу. Принимать каждый день сложные решения и спать спокойно..., наверное, не каждому дано. Кто-то бы не смог, а кто-то только так и может.

Но если итогом этой бюрократии оказывается нанесение ущерба своему же карману (заводу), то разве в этом есть логика? Это лишь маленький пример халатности, но именно из мелочей и состоит целое. Мелочи обрастают снежным комом и потом проблемы уже нельзя решить, не вырезав гнойник.

А есть же глобальные проблемы, которые требуют невероятных финансовых затрат, и которые можно решить только на государственном уровне. Так почему те проблемы, которые мы можем решить сами, на местах, своими силами, мы не решаем? И не пытаемся решить. Почему мы не ценим свой труд, не уважаем его? Мы же можем делать на совесть, делать хорошо, переживать за свои ошибки? Почему мы, от рабочего до начальника, не имеем внутреннего цензора? Почему над каждым нужно ставить надзирателя? А за ним другого надзирателя и так по кругу.

Еще со времен крепостного права крестьянин батрачил на помещика от трех до шести дней в неделю и при этом умудрялся вести свое хозяйство не хуже, чем у барина, а порой даже лучше. Может в этом и кроется причина того, что насильно мил не будешь? Не будешь ты вкладывать всю душу в чужое дело, забывая о себе. И эти 200 лет рабства отпечатали в нашем сознании парадигму того, как мы относимся к своему делу.

Времена рабства давно прошли, или скорее приняли другой облик, люди получили больше прав и свобод, но заставить себя работать на барина, уже за заработную плату, с полной отдачей мы, кажется, потеряли способность. Потеряли способность чувствовать удовлетворение от процесса и испытывать гордость, глядя на результат своей работы. Разучились испытывать стыд и досаду от неудач, но не потеряли способность наблюдать за часами и ждать конца рабочего дня. И это касается не только завода, это в принципе бич нашего менталитета. Раньше приходишь в поликлинику – народу... у кабинетов очереди чуть не дерутся, я только спросить, я только печать поставить. В частных клиниках было дорого, зато специалистов хороших держали. А сейчас заходишь в поликлинику и такое чувство, что все вымерли, тишина, ни души. По коридорам иногда тени мелькают. Половину узких специалистов нет, все разбежались по частным клиникам, а их, зато, стало как грязи, на каждом шагу. Только теперь, кажется, все специалисты из поликлиник переехали в частные клиники и теперь толкового врача даже там не сыщешь. Ты их просто не отличишь от бестолковых. Выкладывают отзывы на сайтах, только хорошие, только приятные, пять звезд везде сверкают, а на деле потом ищешь другого врача,

который бы исправил некомпетентность своего коллеги. Вообще накрутка рейтинга и отзывов напоминает липовые голосования в соцсетях. Пишет тебе кто в личку, мол проголосуй за рисунок моего сына, или за выступление дочки, или за наш детский сад, или за наш лучший двор, или... или... или...Переходишь, голосуешь и понимаешь, что победит тот, кто лучше подсуетился, разослал всем ссылки, попросил всех проголосовать. Вот она цена победы, вот он сладостный трепет от умопомрачительного успеха, вот они слезы радости от выигрыша. Никто даже не посмотрел рисунка, или выступления, не водит детей в этот детский сад и уж конечно не живет в этом дворе. Ну ладно нас обманывают маркетологи и продавцы услуг, но сами-то себя зачем обманываем?!

Каждый раз, думая над этим, Никита ловил себя на мысли, что похож на того самого таксиста, который знает, как изменить мир. Только его никто не слышит.

Но, ради объективности, нужно отметить, что есть у нас один профессионал с большой буквы, - Петрович. Он работает электриком по ремонту станков, лет ему уже за 60 и никто, казалось, и не знает, как его зовут по имени, просто Петрович. А он и не обижается. Мужик он тихий, работает без напарника, любит тишину. Во времена ковида ни разу его не видели без маски (и не жал никому руку), хотя все пытались от нее избавиться в первую же минуту, до того момента, пока начальство не начинало лютовать и штрафовать за нарушение масочного режима. Наверно, он с большей чем мы долей сознательности подходил к этому вопросу. Просто он человек тонкой душевной организации. Так вот наблюдать Петровича за работой было одно удовольствие. Он как гениальный врач, ищущий брешь в анамнезе тяжелобольного пациента, или как гроссмейстер, спасающий безвыходную партию на клетчатой доске, мог часами работать в поисках поломки, пока не погасят освещение цеха, свидетельствовавшее о начале обеда. И когда победив очередной станок он, с удовлетворенным чувством выполненного долга, прибирал за собой набросанные куски проводов, еще некоторое время проверял свою работу, и только убедившись в полноте проделанной работы, шел к себе в мастерскую, где его ждала следующая заявка. После того, как заканчивалась смена, он, переодевшись, перед тем как идти на проходную, всегда приходит к станку, который сегодня чинил, и обходит его еще раз со всех сторон, трогает его ручки и будто бы разговаривает с ним. Это его ритуал. Никита не раз наблюдал его за этим ритуалом, пока ждал, когда Мария переоденется и выйдет ему на встречу. Однажды он заметил, как Петрович, чинивший координатно-расточной станок, который находился не в общем цехе, а в отдельном кабинете, не смог исполнить свой ритуал, так как стеклянная дверь была уже закрыта, с печальным лицом посылал свои флюиды через стекло, сожалея, что не смог к нему прикоснуться.

5

Завод наш представлял огромную территорию с множеством зданий, цехов и прочих построек, которые многие годы стояли заброшенными. Окна были выбиты или заколочены досками. Кирпичная кладка посыпалась, в крышах были пробоины. В общем, ощущение было, будто попал в Чернобыль.

Когда-то, говорят, здесь кипела бурная деятельность. Толпы людей шли после смены к проходным. Их тогда было четыре. На территории находились теплицы, в которых сажали огурчики, помидорчики и прочие овощи и фрукты. Рабочие могли за умеренную плату взять овощей к столу. Кое-где еще остались яблони и сливы. Никита иногда вспоминал, как с мужиками ходили осматривать старый козловой кран, находившийся в паре километрах от основных цехов. Набрали яблок целый пакет, сливы были еще твердые.

От былого величия мало что уцелело. Продукция перестала быть нужна людям, да и сами люди не особо были нужны. Уходили уникальные специалисты, заменить их никем не могли. Не старались взрастить молодежь. Молодежь с неохотой шла работать. Проблема кад-

ров обрастала снежным комом. Все вдруг стали с высшим образованием, инженерно-техническими работниками. Штат их разросся так, что казалось, работать руками стало совсем некому.

В советское время на предприятии производили тракторы. Потом стали делать и другие машины. Продавали продукцию в дружественные страны. Помогали наладить у них свое производство, сельское хозяйство. Да так у них это хорошо получалось, что они стали производить лучше, больше и дешевле, чем мы. Теперь *мы* у них покупали.

Руководство находилось в белокаменной, а сюда присылали временщиков, которые не очень-то пеклись о кадрах, текущих ремонтах, закупках оборудования и т.д. Главной их задачей было продержаться год-два, переложить ком проблем на преемника, спущенного сверху, получить назначение поближе к столице и, с чувством выполненного долга, покинуть сие заведение.

Завод носил приписку «Научно-производственный комплекс». Это был один из множества небольших заводов, раскиданных по нашей необъятной стране, входящих в огромную корпорацию. Продукция наша была как гражданского назначения, так и оборонного. На территории были раскинуты огромные поля-полигоны. На них испытывали технику и обкатывали продукцию.

Штат конструкторского бюро был так раздут, что их перевели в отдельное здание. Перед ними ставились задачи по обеспечению обороноспособности страны и прочие формулировки, диктуемые из черного ящика мощным потоком пропаганды. Те гиганты мысли, которые поднимали с колен нашу страну сразу в космос, давно уже остались на мемориальных досках. Нынешнее поколение инженеров было оторвано от достижений прошлого. Школу просрали... Молодые ребята, только пришедшие из вузов, даже кичились тем, что они не хотят иметь ничего общего с олд-скульным пережитком давно забытой эпохи. Книг они не читали. Даже профильных. Били себя в грудь и смотрели с презрением на работяг, которые застали еще чертежи без единой правки и видевшие технику, прошедшую испытания с первого раза. В холле здания бюро стоял кулман, и проходившая мимо него молодежь даже и не догадывалась о назначении этого анахронизма.

Производство напоминало экспериментально-испытательный полигон, для чьей-то нездоровой фантазии. Конструкторы не успевали еще утвердить чертежи, как тут же все размеры на них черкались и вместо них появлялись новые правки. Когда, наконец, чертеж попал к исполнителю, то постоянно была какая-то путаница и бесконечные согласования, что не могло не сказаться на качестве продукции. Прибегал технолог, который разработал технологический процесс к чертежу. Ну, как разработал... Громко сказано. Бралась основа с похожего техпроцесса, варварски черкались не подходившие цифры, сверху подписывались новые. Потом и они зачеркивались и рядом ютились еще одни цифры. Рабочий смотрел в эту макулатуру, голова у него вскипала от тщетных попыток разгадать этот ребус. Он пытался сделать как лучше, а получалось, как всегда.

Параллельно с этим инструментальному цеху заказывалась оснастка, с помощью которой должна была быть изготовлена деталь. Пока оснастка делалась, чертежи черкались, бумага маралась и затиралась. В итоге оснастка не подходила к измененной детали. Парадокс. Как можно подменить звено в цепи и надеяться, что от этого ничего не изменится. Самое интересное, что это не вызывало ни у кого ответной реакции. Типа все нормально. Так и было задумано. Дальше шло давление на исполнителя: «Может, сможешь и без оснастки обойтись?», или «Деталь надо все равно сделать, давай думать, что мы можем».

В общем, делалось все на коленке, кое-как и самое удивительное, что, получив вымученный результат ненадлежащего качества, все умники успокаивались и забывали о том, чтобы переделать оснастку. В скором времени, опять получив заказ на данную деталь и столкнувшись с той же проблемой, решать проблему оснастки уже никто не собирался. Довод был достаточно веский: «Ну, ты же в прошлый раз сделал».

Поэтому нередко детали на выходе отличались от конструкторской документации. Была даже одна байка: деды рассказывали, как молодой конструктор забыл нанести на чертеже осевую линию, исполнитель перевернул чертеж и сделал деталь, как он ее видел. В отделе технического контроля тоже не заметили ошибки и пропустили. Слесари-сборщики долго не могли пристроить эту деталь по назначению. Крутили, вертели и в итоге подошел подвыпивший местный Кулибин и не глядя воткнул ее куда-то так крепко, что и достать не могли. И нечего не случилось с агрегатом. Тут то все и смекнули, что не так страшен черт, как его малюют.

Создав, так сказать, прецедент, все вдруг стали относиться ко всем неточностям с пониманием или, скорей, с пофигизмом. И изделия стали получаться не совсем такими, какими задумывались. Видя такое несоответствие, весь бюрократический механизм бросал все свои силы на то, чтобы подогнать документацию, под получившее изделие. Мол, так и было задумано, дабы сохранить лицо.

После «умелого» менеджмента, всюду насадившего не самые популярные решения, была введена коллективная ответственность. То есть когда не выполнялся план, страдали все без разбора от начальников до той самой уборщицы, без которой элементарное существование человека становится невыносимым. Но и она попадала под гребенку неумолимого моховика бюрократического механизма. Именно поэтому порой вакансии уборщиц были не закрыты, а микроклимат в цехе больше напоминал привокзальный.

6

После работы Никита не особо торопился домой. Смена заканчивалась в 16:30, но уже в 16:00 он шел в душ, не спеша, одевался, и наблюдал за тем как станочники, придя позже всех, впопыхах умывая лицо и руки, спешили домой к семьям. За ними был особый контроль, так как они делали конечную продукцию и толпа мастеров, инженеров планового отдела и прочей номенклатуры как коршуны кружили над его станком, нетерпеливо ожидая деталь, которую сдать надо было еще вчера.

Именно такая свобода так нравилась Никите. Он и представить себе не мог, как можно простоять смену за станком, не имея возможности отсидеться в курилке, прилечь на топчанчике, перекинуться в картишки и т.д. Такую свободу он не променял бы ни на какие деньги.

Доковыляв кое-как до проходной, он расстегнул верх пуховика, из-под которого шел пар. Техника весь день расчищала сугробы, но не везде она была способна проехать. Когда масса людей идет в разном темпе, то приходится их обходить, залезая на нерасчищенные участки дороги.

Домой не хотелось. Там его никто не ждал. Он доехал до торгового центра, поднялся на четвертый этаж, взял кофе и присел в уголке фуд-корта. Он любил наблюдать за людьми, поглядывал на ухоженных женщин. Это был один из способов убить время.

У него была женщина, с которой у него были свободные романтические отношения. Мария, так ее звали, работала в малярке. Ей было 28 лет, одна воспитывала пятилетнего сына Артемку.

Встречались они обычно в выходные, подолгу засиживались на кухне и отсыпались до обеда. Однажды они слишком громко заигрались в своих неистовых любовных утех, что разбудили пацана. Тот тихонечко приоткрыл их дверь и стал громко плакать. С невероятной скоростью, какую они только могли развить в три утра после выпитых разогревающих тела напитков, накинули на себя одеяло. Лишь только яркий свет и заспанные глаза мальчугана спасли их достоинство и необходимость выдумывать себе оправдание, почему они полностью голые, и что это за странные предметы, которых он раньше дома никогда не видел, лежат на кровати, извиваясь и вибрируя. После этого инцидента Мария отвозила сына своей маме с ночевкой, а Никита на всякий случай повесил шпингалет на дверь.

Познакомились они пару лет назад. Мария не так давно устроилась на завод в малярный цех. До этого она сидела в офисе за сущие копейки, занималась перекладыванием ненужных бумажек. Работала она не официально, поэтому «декретных» она не получила. После того, как муж от нее ушел к другой, оставив их вдвоем, она поняла всю незavidность своего положения. Мама ей помогала, - святой человек. Сама, работая, успевала еще и за хозяйством следить и с Темкой помочь. Она тогда временно переезжала к дочери.

В офис она возвращаться не собиралась, и делать ничего больше не умела. Нужна была «белая» зарплата и возможность сидеть на больничном с маленьким ребенком. Мама подсуетилась и через знакомых пристроила ее на завод в малярный цех. Не самая привлекательная работа для молодой женщины, но лучше такая, чем никакая. Работы она не боялась. Быстро вникала в нюансы и ее умение ладить с людьми не оставили никого равнодушными.

Пришел Никита по заявке залить масло в гидравлику. Обычно он этим не занимался, просто Санек был в отпуске. В обязанности Санька входило все, что касалось замены масла или смешивания смазывающе-охлаждающей жидкости для станков. Залив масло он повернулся и увидел милую девушку, опрометчиво наклонившуюся, так до неприличия низко, подкрашивая мелкие детали, что Никита не мог пройти мимо. Только после первой проведенной вместе ночи он узнал, что это была не опрометчивая поза, а верно расставленная ловушка умелого охотника.

Мария была из тех девушек, которые обескураживали своей энергией и задором. С ней было легко, у нее была особенная улыбка, которая так нравилась Никите. Вместе они были уже два года. Они сразу условились не прикипать друг другу, что бы их страстные отношения не превратились в бытовую повседневность. Встречались они пару раз в месяц, иногда и чаще, если хотели прогуляться, сводить Темку в комнату отдыха или посидеть в кафе. Иногда она доставала, какие-то веселенькие таблеточки, которые помогали расслабиться и погрузиться в мир похоти и фантазий.

Вообще Никита не имел пристрастий к запрещенным препаратам и никогда не искал их специально. До того, как встретил Марию, он пробовал пару раз на первом курсе чушка, когда вместо того, чтобы учиться, они собирали яблоки. Время пролетало весело и незаметно.

Их встреча наполнила картину яркими мазками и внесла разнообразие в серую жизнь. Такие отношения устраивали обоих. Никите не нужна была кухарка. Готовить он умел. Он хотел жить, так как жил и быть единственным хозяином в своей квартире.

Собственно, Марии тоже не нужны были постояльцы. С сынишкой она и сама управлялась и после развода она больше не собиралась повторять этой ошибки. А небритый пузатый хрен, лежащий на диване, с вывалившимися яйцами из семейных трусов, в то время как она намывает полы, ей был не нужен.

Когда ей действительно нужны были Никитины яйца, ей трудно было отказать, и ее фантазии тоже.

7

- Привет, пупсик, – послышался из трубки томный голос Марии.

- Привет, зайчонок, – ответил Никита.

Он сразу понял, что ее звонок в субботу в 10 утра неспроста. Они виделись в прошлую субботу, а в воскресенье вместе ходили покупать Темке ботинки и ели пиццу с коллой.

- Я соскучилась, - продолжала жеманно она.

- Когда ты успеваешь так по мне соскучиться? – рассмеялся Никита.

- Сегодня мне приснился кошмар, и мне захотелось тебя увидеть.

- И что же тебе приснилось?

- Как ты привязывал меня к постели. Я проснулась вся мокрая, - хихикала она.

- Так почему же ты называешь это кошмаром? По-моему это очень даже в твоём стиле.
- Ну, если бы ты успел довести дело до конца, тогда бы это называлось по-другому.
- И кто же осмелился мне помешать? – ему нравилось подыгрывать ей.
- Сосед с верху, козел, начал сверлить стену, еще девяти не было, - наигранно жаловалась

Мария.

- Может мне просто поговорить с твоим соседом? Или отобрать у него дрель?
- Лучше привози **свою**. А еще лучше перфоратор.

8

Никита умылся, почистил зубы, посмотрел на свою щетину и решил не трогать ее. Было немного лень, и он внушил себе, что так он еще брутальней. Уложил феном волосы и пошел на кухню готовить завтрак.

Он выпил кофе с подгоревшей яичницей. Сложил грязную посуду в переполненную раковину и стал надевать куртку.

Разгуливая по торговому центру, он поймал себя на мысли, что совсем не помнит, что конкретно собирался купить. В прошлые выходные Мария заставляла его перемерить массу вещей, и он совсем запутался.

Пройдясь по нескольким магазинам и окончательно запутавшись, он вернулся в первый. Еще раз примерив футболку и джинсы, удовлетворенно побрел к кассе.

Вообще его терпения хватало ровно на пол часа. Потом он начинал нервничать и соглашался на все, лишь бы от него отстали. Иногда доходило до ругани, и однажды они даже не разговаривали несколько дней. Он замечал, что после этого, их отношения не становились хуже, а наоборот крепче. Они притирались друг к другу, находили компромисс и становились еще ближе. Ему не хотелось терять ее, и он жертвовал своими принципами ради этих отношений. Ярче были и примирения. В игровой форме она корила его за плохое поведение и придумывала разные наказания. Его это побуждало не скупиться на подарки, а Госпожа от души могла взяться за перевоспитание плохого мальчика.

Мария обладала уникальным даром обходить острые углы, тогда как у Никиты был дар их находить. Они уравнивали друг друга и даже сами не понимали этого. Им просто хотелось жить легко, без напряжения. Она, как опытный гроссмейстер, за два хода чувствовала, что разговор идет к ссоре, и в два счета охлаждала его пыл.

Ее обескураживающая улыбка, с маленькими ямочками на щеках, могла сбить его с толку, и он забывал, как уже вот-вот припирает ее к стенке своими сокрушительными доводами. Могла резко поцеловать его в засос или погладить по ноге, и он понимал, что его мнимая власть над ней все равно, что вода, уходящая сквозь пальцы.

Он был интроверт. Любил погружаться в мир рассуждений и анализа своих чувств, саморефлектировал и любил тщательно продумывать свои действия. Он еще не мог осознать, какую власть **она** имела над ним. Дело было не только в незабываемом сексе, акселератором которого являлась преимущественно она. Она удерживала его своей простотой общения, искренностью и некомформизмом, присущим ему самому.

Первое время после начала их отношений он знал, что к ней захаживали старые знакомые. Они часто приходили сильно выпившие, и от них воняло пепельницей и носками. Не ценили созданный ею уют и старания, вложенные в ужин и атмосферу. К ее любовным пристрастиям относились не как к уникальной находке, а принимали как должное. Это не могло ей нравиться, приносить удовлетворения, она не могла им полностью раскрыться. Они принимали ее ласки и напор и не хотели отплатить тем же. Приносили дешевые побрякушки, обмененные или купленные в ломбардах, считая, что делают ей невероятный подарок. Ей не нужна

была эта мишура, ей нужно было, чтобы ее если не любили, то хотя бы ценили и дорожили ее стараниями.

Он тоже был не святой. За ним волочились уже не молодые мамыши с борщами и пирожками. Казалось, они хотели укоротить тот самый путь к сердцу мужчины через желудок до огромной воронки, вставленной прямо в сердце, в жерло которой бездонно засыпалась жратва. Ему не хватало душевных разговоров про угнетение народов, про борьбу за справедливое распределение ресурсов, про то, как богатые богатели, а бедные беднели. Его разговоры быстро наскучивали, его перебивали, не давали продолжить и их хмельные глаза тяжелели. После пятиминутных фрикций наступала тишина и, затем, легкое сопение. Никита еще долго смотрел в потолок, и ему хотелось посреди ночи переместиться в свою кровать.

Мария не сказать, чтобы сильно оппонировала ему в дискуссиях, и казалось, его уже не слушала, но, как будто чувствуя момент, вворачивала свои пять копеек с такой прозорливостью, что уводила его мысли в новое русло. Он пересматривал свой взгляд на мысль, смотрел под другим углом, и ему было приятно иметь такого строгого, внимательного и непредвзятого судью.

Постепенно Никита стал замечать, что, когда вокруг него на работе начинали кружиться особи женского пола, откуда ни возьмись появлялась Мария. Она как бы невзначай трогала его за плечо, прося ей помочь или что-то подсказать по работе, что у особей подрезались крылья, и они резко пикировали в пропасть рабочих будней.

Он все чаще ловил себя на мысли, что **ее** умение слушать и давать **ему** выговориться, умение ставить **его** на место и заставлять уважать **ее** мнение, становились во главу угла их отношений. Ее роскошное тело, безудержно раскрепощенная фантазия и безупречное ведение быта обвязывали базальтовыми корнями фундамент их отношений. Они лишь служили каркасом ее сильной личности.

Он размышлял над всем этим сидя на фуд-корте, допивая второе пиво. Он любил поразмышлять, сидя в излюбленном углу. Шум и снующие всюду люди ему не мешали, а скорее отвлекали от путающихся мыслей.

Оглянувшись по сторонам, он понял, что засиделся. Люди вокруг сменились уже не один раз. Надев куртку и взяв пакет с покупками, он двинулся к выходу.

9

Придя домой он переоделся, помыл посуду, снял с балкона вещи и робу. Установил гладильную доску, включил телек и принялся гладить одежду. За одно он погладил новую футболку и джинсы.

Сложив робу в пакет, он поставил кастрюлю с водой на плиту и принялся за посуду. Домыв ее, он сварил макароны, нажарил купаты, собрал сразу четыре контейнера с едой и, прикрыв крышками, оставил остывать. Этого ему хватит до четверга, а на пятницу он, накануне, сварит пельмени.

Он любил на выходных все подготовить, разложить и собрать, чтобы не думать об этом после работы. Была только суббота и он мог бы заняться этим завтра, но, зная Марию, он понимал, что завтра может быть не в состоянии этим заниматься и будет откисать целый день, лежа в кровати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.